

*Памяти
моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

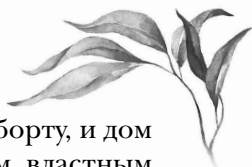
С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН ДО НОВОГОДНЕЙ НОЧИ

За долгий свой век этот особняк, расположенный почти в самом центре Москвы, видывал многое, очень многое...

Он помнил еще времена своей юности, когда почти все домики в округе были ниже его и он, новенький, пахнувший свежей известкой, с блестящей на солнце крышей, презрительно поглядывал с высоты на своих малорослых собратьев, которые не заслоняли ему вид на главную улицу Первопрестольной. С утра до ночи мог он тогда наблюдать из своего переулка, как проносятся по Тверской кареты, громяхая колесами и разбивая в пыль булыжную мостовую, как текут вдоль по улице людские реки и как шарахается в стороны народ, завидев мчащийся экипаж и слышав крик «Пади, пади!» — ведь разделения на тротуары и проезжую часть тогда еще не было и в помине.

Потом его маленьких соседей стали сносить, а на их месте начали вырастать каменные великаны в три, четыре и даже шесть этажей. Особняк лишился вида на Тверскую, но жизнь вокруг него продолжала кипеть. Под его окнами проезжали коляски важных сановников, спешащих в Кремль на заседание, чинно проходили накрахмаленные бонны, выводящие детишек гулять на бульвар, спешили в университет студенты, шустрые мальчишки затевали во дворе игры и потасовки. Вечерами, шурша дутыми шинами, проносились щегольские лихачи, унося своих подгулявших седоков на запад Москвы — в «Эльдорадо», «Мавританию», «Стрельну» или к «Яру».

Помнил особняк и как сотрясались его стены от грохота выстрелов в смутные дни революции, и как суетились, собираясь в спешке, его тогдашние хозяйева и их домочадцы, торопившиеся скорее покинуть охваченный мятежом город. Глава семьи уверял тогда всех, что уезжают они ненадолго, скоро бунт подавят и все вернется на круги своя. Но сбыться его предсказаниям было не суждено, и больше дом никогда не видел этих своих жильцов. Их заменили другие — многочисленные, горластые, склочные, неряшливые. Скрепя сердце, с огромной неохотой привыкал особняк к новой жизни, к шуму коммунальных распрей, к пьяным песням под визжащую гармошку в праздники, к вечной грязи и кучам окурков папирос и самокруток на некогда сверкавшей чистотой мраморной лестнице. Стены и потолки дома закоптились от чада многочисленных примусов и керосинок, стекла окон, которые теперь почти никогда не мыли, потускнели и запылились, прекрасные мозаичные дубовые полы истоптались, покрылись коростой грязных следов. Не по душе дому были новые жильцы — но и их он стал жалеть, когда спустя годы по ночам к его подъезду стали крадчиво подъезжать сперва черные «воронки»,

а потом автозаки с надписью «Хлеб» на борту, и дом настороженно прислушивался к гулким властным шагам на лестнице, к всхлипываниям арестованных, их горьким прощальным словам.

Потом все окна особняка заклеили крест-накрест полосками бумаги, плотно занавесили темной тканью, так, чтобы даже крошечный лучик света не смог пробиться наружу. И снова его стены сотрясались от близких разрывов бомб и ожесточенной пальбы зениток, а по ночам на крыше дежурили жильцы, оберегая дом от падающих снарядов, которые сбрасывали вниз, в бочки с водой и песком. Но война наконец отгремела, и счастливый дом праздновал победу вместе со своими жильцами. Те, кому довелось пережить эти страшные четыре года, теперь забирались на крышу особняка, чтобы увидеть грандиозный парад, а вечером полюбоваться расцветающими в темном небе разноцветными гроздьями салюта.

После войны жильцов из особняка выселили, и шумный коммунальный быт сменился монотонной канцелярской рутинной — в доме обосновалось какое-то скучное государственное учреждение. Озабоченно сновали служащие, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, повсюду лежали пыльные папки с разлохмаченными тесемками. Лишь изредка где-нибудь в уголке коридора раздавался звонкий молодой голос или веселый смех, но тут же затихал под строгими взглядами более серьезных коллег. И снова слышалось шуршание бумаг и стук печатных машинок — с утра и до вечера, когда служащие расходились по домам и запиралась входная дверь. Погрузившийся в тишину, особняк тихонько вздыхал, вспоминая вечера в ушедшие годы, бравурные рулады рояля, балы при свечах, домашние концерты, легкие девичьи шаги по анфиладе комнат... Ему не с кем было поделиться этими

воспоминаниями. Разве что с вязом, росшим у его северной стены. Дом помнил его еще тоненьким гибким побегом, застенчиво шелестевшим весной свежими зелеными листьями. Теперь вяз стал могучим высоким деревом с узловатым стволом и тяжелой ветвистой кроной. Изредка они переговаривались, вспоминали прошлое и с грустью отмечали те невеселые перемены, что происходили вокруг. Жизнь кипела, столица строилась и менялась, становясь, быть может, более современной и комфортной для жизни — но при этом безвозвратно теряя то неповторимое очарование старины, которое принято называть душой Москвы. Как было не грустить об этом особняку и старому вязу?! С каждым днем вокруг оставалось все меньше и меньше напоминаний о былых временах, настал момент, когда и они исчезли совсем. Зажатый с двух сторон массивными многоэтажными новыми домами, особняк, оставшийся самым старым строением в округе, уже начинал казаться самому себе жалким, дряхлым и никчемным.

И все-таки дом жил, с интересом вглядывался в прохожих глазами-окнами, бодро хлопал дверью подъезда, терпеливо сносил порывы ветра, ливни и снегопады, прислушивался к шелестению вяза и к неумолчному шуму огромного города, частью которого он стал давно и, как ему казалось, навсегда.

Оказалось, что не навсегда.

Теперь дом умирал. Умирал мучительно и долго.

Собственно, сейчас и домом-то его можно было назвать с большой натяжкой. Теперь он превратился в руины, нелепо торчащие в переулке, словно скелет причудливого доисторического животного. Чтобы скрыть эту неприглядную картину, особняк затянули грязно-зеленой сеткой и слегка прикрыли строительными лесами. Дом обнесли дощатым забором, за которым сразу же выросли кучи ржавых

бессмысленных железок и прочего мусора. Лишь кое-где из унылого хлама остро торчали немногие уцелевшие прутья прежней красивой ограды.

Окутанный строительной сеткой, шершавой и жесткой, дом почти ослеп. Сквозь мутное зеленое марево он видел лишь неясные переливы света и тьмы да тусклые огни уличных фонарей, слышал отдаленный гул Тверской улицы и негромкое поскрипывание вяза, который тоже переживал не лучшие свои времена. Про них попросту забыли, и жизнь потеряла для них всякий смысл. Порой дому даже хотелось, чтобы к его стенам подъехал громоздкий неуклюжий кран с тяжелым чугунным шаром на стреле и все бы разом закончилось после нескольких грубых ударов, рассыпалось бы в прах — уже навсегда. Но этими своими мыслями он не делился даже с другом-вязом.

Дни шли, они складывались в месяцы, месяцы в годы, а допотопный костистый скелет с выступающими каменными ребрами все так же неизменно торчал в переулке. Полуоглохший, полуослепший, полуживой, не обращающий внимания на то, что творилось у него внутри и творилось ли что-нибудь вообще.

Но сегодня все было иначе. Что-то произошло. Что-то необычное и страшное. Дом чувствовал, как по его полуобвалившимся лестницам поднимается все выше и выше тугой ступок боли, тоски и отчаяния. Как медлит он у зияющих окон, как останавливается в комнате наверху, а потом снова продолжает свое упорное восхождение. Вот он бредет по чердаку, выбирается через слуховое окно на крышу, приближается к ее краю...

Дом не видел, кто это, просто ощущал боль, безысходность, тоску. Все то, что он сам так хорошо знал и так сильно прочувствовал за годы забвения.

А вот вяз прекрасно видел, что происходит на ржавой дырявой крыше особняка. Бывшего особняка...

Странный декабрь выдался в этом году — теплый, почти бесснежный, похожий то ли на раннюю весну, то ли на позднюю осень, но уж никак не на русскую зиму с ее высоченными сугробами и трескучими морозами. До последних дней месяца ждали москвичи похолодания и снегопада, с надеждой слушали прогнозы погоды, а потом махнули рукой. Видно, не судьба в этот раз встретить Новый год по-настоящему, насладиться видом припорошенных снежком деревьев, паданьем пушистых хлопьев да морозным скрипом под ногами. Да и бог с ним. Если задуматься, то есть в жизни проблемы и поважнее, куда поважнее...

И вдруг, неожиданно-негаданно, вопреки всем предсказаниям синоптиков, прямо в новогоднюю ночь начался снегопад. Снег повалил, закружил, завьюжил Москву, за какой-то час укрыл ее всю пушистым своим одеялом, подарив к празднику жителям и гостям столицы ощущение волшебства и сказки.

Лег снег ровным ковром и на крышу особняка, скрыв все ее неприглядные дыры, ржавые пятна и прочие старческие болячки. Разом приобрела крыша чистенький, аккуратный, ухоженный вид — но внешность, как известно, нередко бывает обманчива. И потому старый вяз с тревогой наблюдал за высоким мужчиной, который двигался по скользкой крыше, отзывавшейся на каждый шаг глухим бормотанием, и остановился в опасной близости к ее краю. Мужчина, несмотря на зимний колючий ветер, был без шапки, стильное, явно очень дорогое пальто как-то особенно ладно сидело на нем. Был он гладко выбрит, модно пострижен — сразу ясно, что весьма состоятельный субъект. И также сразу понятно стало вязу, как мучительно плохо этому человеку, как он опустошен и подавлен.

Мужчина стоял и безучастно смотрел на город, раскинувшийся вокруг. На переулочек, на украшенные

новогодними гирляндами здания на Тверской, на сияющую рекламу, на призывно пульсирующие вывески магазинов и ресторанов, на людей внизу, спешащих по улицам, чтобы сейчас, когда до Нового года оставалось всего-навсего несколько часов, успеть докупить все необходимое для праздничного стола или забытые впопыхах подарки. У кого-то на лице было написано ожидание, у кого-то беспокойство, у кого-то раздражение. В эти предновогодние радостно-хлопотливые часы жизнь вокруг особняка в обыкновенно тихом переулке так и кипела, спешила, бурлила, точно вода в стоящей на плите кастрюле, переливаясь через край.

Только лицо мужчины, неподвижно застывшего на крыше, оставалось бесстрастным. Однако эта маска отрешенного спокойствия не смогла обмануть пытливого наблюдателя. Старое дерево, кое-что повидавшее на своем веку, сразу поняло: на эту крышу мужчина поднялся с одной-единственной целью — уйти из жизни. Вяз догадался об этом намного раньше, чем увидел, как мужчина вынул из внутреннего кармана пальто блеснувший в свете фонаря черный револьвер. Увидел — и замер, боясь неосторожно шевельнуть хоть какой-нибудь из своих ветвей.

Неподвижно постояв несколько минут и еще раз окинув взглядом город, мужчина вздохнул, решительно поднял руку и шагнул к краю. Крыша тут же отозвалась глухим ворчанием. В лицо мужчине жадно дохнула гулкая пустота. Еще один миг..

И в этот момент вяз услышал, как вскрикнул откуда-то из темноты чей-то звонкий голос:

— Стас! Не надо!..

Глава 1

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА

Старому вязу, который с тревогой наблюдал за так испугавшей его сценой, было, конечно, невдомек, что стало причиной драматического действия, разыгравшегося на крыше. Он понятия не имел, что началась вся эта история примерно неделей раньше, в доме совсем неподалеку, в каких-то нескольких сотнях метров от их переулка. Впрочем, что ж удивительного в подобной близости? Ведь, в сущности, Москва — маленький город. Если речь, конечно, идет о самой Москве, а не о выросшем вокруг нее современном мегаполисе с однотипными многоэтажными блочно-панельными муравейниками. Ну да какая они Москва! Они — Марьино, Митино, Выхино, Жулебино, Бутово и прочие бывшие деревни, пусть и потерявшие свой сельский облик, но так и не сумевшие стать городом, стать *настоящей* Москвой. С ее историей, с ее преданиями и легендами, с ее неповторимым очарованием, то слышным

в шелесте листвы на бульварах, то зримо проглядывающим в тихом дворе Замоскворечья, то вдруг мелькнувшим в упругом изгибе одного из знаменитых ее семи холмов... Но оставим в стороне лирику и вернемся к истории, которую читатель уже давно должен узнать. И прежде всего обратимся к дому, в котором все и началось.

Кроме близкого месторасположения, дом, о котором сейчас пойдет речь, не имел ничего общего с допотопным чудищем в переулке, затянутым строительной сеткой и обреченным на медленное умирание. Был он моложе на добрую сотню лет, гораздо выше и гораздо больше, имел несколько подъездов и насчитывал семь этажей. Фасад его выходил прямо на Тверскую, занимая половину квартала, и один этот факт заставлял дом сохранять и постоянно поддерживать солидный и одновременно молодежательный вид. Внизу — сверкающие витрины магазинов и зеркальные окна ресторанов, на верхних этажах — огромные квартиры, когда-то роскошные частные, затем, долгое время — жуткого вида коммуналки, разделенные фанерой на клетушки и больше похожие на захламленный лабиринт, чем на человеческое жилье. Однако, к великой радости дома, пару десятков лет назад этот ужасный период его жизни закончился. Квартиры опять стали принадлежать не целой толпе разношерстных съемщиков, а одному хозяину, стараниями которого они вновь обрели жилой вид, расстались с лишними стенами, изменили планировку, принарядились и засверкали, украсились новой мебелью и множеством мелочей, которые могут позволить себе только очень состоятельные люди. Ну а другие люди, как известно, квартиры на Тверской и не покупают.

К числу таких вот владельцев элитного жилья на главной улице столицы и принадлежал герой этой истории, Станислав Михайлович Шаповалов,

крупный бизнесмен, президент одной из ведущих московских строительных компаний, человек на редкость успешный и благополучный. Зрелый, но далеко еще не критический возраст (всего-то сорок!), привлекательный мужественный облик, с первого взгляда вызывающий доверие у мужчин и интерес у женщин, солидный бизнес, немалое состояние — казалось бы, что еще можно желать от жизни? Но тем и страшно подобное благополучие, что оно может рухнуть в один-единственный миг. А падать с большой высоты, как известно, куда больнее и опаснее, чем с малой...

Впрочем, еще в середине дня двадцать третьего декабря Стас и мысли не мог допустить, что в его жизни что-то может измениться в худшую сторону. Год заканчивался для него вполне благополучно. Можно было бы даже сказать удачно, если б не крайне неприятное происшествие, случившееся в ноябре — загадочная гибель Андрея Жданова, его правой руки. Однако за полтора месяца Станислав уже успел сжиться с этой трагедией и полностью отрегулировать работу компании, пошатнувшуюся было из-за такой серьезной потери. Конец года вышел, конечно, очень нелегким для него, но теперь все оставалось позади, и не имелось никаких препятствий для того, чтобы как следует отдохнуть. Зимние каникулы Стас планировал провести в Европе, в компании своей подружки, двадцатидвухлетней длинноногой блондинки Олеси, начинающей певицы, которая недавно записала свой первый альбом — разумеется, исключительно благодаря помощи Станислава. Так что перспективы в этот слякотный зимний день открывались для него самые радужные.

Стас только что вернулся домой из ресторана, где обедал с приятелем, тоже, кстати, отбывавшим сегодня вечером на каникулы. Но приятель уезжал поездом в семь вечера, а самолет Стаса с Олесей

вылетал из Шереметьево-2 около полуночи. Так что до поездки в аэропорт оставалось еще немало времени, и Станислав неторопливо собирал чемоданы, расхаживая туда-сюда по своей огромной восьмикомнатной квартире. Здесь, в его любимом доме, находилось место для всего — и для рабочего кабинета, и для спортивного зала, и для двух ванн, и для столовой, которая при необходимости могла вместить до полусотни гостей. Олеся была в восторге от его жилья, казавшегося ей настоящими хоромами, она день и ночь мечтала перебраться сюда — но Стас не торопился поселить ее у себя. Когда-то, что называется, на заре туманной юности, он уже приобрел неудачный опыт жизни в браке и теперь, готовясь разменять пятый десяток, все еще не ощутил потребности создавать семью. И уж тем более не испытывал потребности создавать видимость семьи с женщиной, которая хоть и привлекала его сексуально, но совсем не была ему близким человеком, а главное — не стремилась им стать. Нет, конечно, Олеся из кожи вон лезла, чтобы всячески продемонстрировать ему свою любовь и изобразить заботу. В те дни, которые они проводили вместе, она была особенно очаровательна, нежна и внимательна к нему, по десять раз спрашивала, не хочет ли он выпить чаю и не приготовить ли ему ванну... Но вот поинтересоваться тем, что творится у него на душе, поговорить о вещах, которые его действительно интересуют, которые для него значимы, послушать, как он предается воспоминаниям (что греха таить, это одно из самых любимых занятий всех людей, чей возраст приблизился или приближается к сорока), — ничего подобного вообще никогда не приходило ей в голову. Впрочем, Стаса такие вещи особенно и не тревожили. Ему нравилось встречаться с Олесей, проводить с ней уик-энды и отпуска, возить ее в рестораны и на многочисленные свет-

ские тусовки, где он постоянно был вынужден появляться, а делать это в компании такой красивой и яркой спутницы было совсем не стыдно. Но и то, что жила Олеся в отдельной квартире, которую, разумеется, он сам для нее и снимал, Стаса тоже вполне устраивало. А дружеские подколки женатых приятелей, интересовавшихся в форме более или менее удачных остроумий, не грустно ли ему одному в такой большой квартире, Стас и вовсе пропускал мимо ушей. Это им, проведшим значительную часть своей жизни в коммуналках и малогабаритках, подобный стиль существования казался странным. Он же, Станислав Шаповалов, чуть ли не двадцать лет прожил за границей, в Западной Европе, где апартаменты из нескольких просторных комнат для холостого человека считаются нормой, а не роскошью, и потому ориентировался на совсем иные, не российские, а цивилизованные образцы менталитета.

Планы на отпуск у Станислава были самые грандиозные. Он собирался показать Олесе Европу, которую та, почитай, еще почти не видела (десятидневные поездки в Барселону, в Хорватию и на Кипр Стас всерьез не воспринимал), побродить по любимым улочкам старых городов, увидеться с несколькими своими однокашниками по Оксфорду, с которыми они договорились встретиться в Париже, а также как следует отдохнуть от дел и забот, насладившись празднованием Рождества. Но, как известно, загад не бывает богат...

Все началось со звонка мобильного. Так уж повелось, что в наши дни о большинстве трагедий сообщает именно телефонный сигнал, подобно тому, как в стародавние времена гул набата оповещал жителей округа о пожарах и нападениях недругов. Современные набаты стали гораздо меньше и компактнее, они напичканы электроникой и имеют куда больше возможностей, чем старинные колокола, но

главная функция — сигнал тревоги — так и осталась при них. Впрочем, когда Стас снимал трубку, он еще понятия не имел, насколько дурные новости его ожидают. Взглянув на светящийся экран, он узнал лишь то, что ему звонит Сергей Головин, начальник службы безопасности принадлежащей Станиславу компании «ОСК».

— Алло, Сергей, слушаю тебя, — безмятежно ответил Стас. И был буквально сбит с ног тут же выплеснувшимся на него потоком ошеломляющей информации.

— Станислав Михайлович, беда! — прозвучало в трубке. За все время знакомства с Головиным, а это был не год, не два и даже не пять, Стас еще никогда не слышал у него таких взволнованных интонаций. — Вас собираются задержать за убийство Андрея Жданова. Обнаружились какие-то очень веские улики против вас, какие — мне пока неизвестно...

— Что ты несешь? — В первую минуту сознание Стаса просто отказывалось воспринимать слова подчиненного. — Что за бред? Какие могут быть улики? Я не имею никакого отношения к смерти Андрея и...

— Мне-то это известно, Станислав Михайлович, — не дал ему договорить Сергей. — Но полиция считает иначе. Пока у меня не было времени во всем разобраться, но мне намекнули, что кто-то очень заинтересован в вашем аресте. Так что все очень серьезно...

— Хорошо, я сейчас позвоню своему адвокату. Мы вместе поедem в полицию, и я им все объясню, — начал было Стас, но руководитель службы безопасности снова его перебил:

— Станислав Михайлович, когда вы наконец поймете, что вы не в Англии, а в России? Тут дела делаются совсем по-другому. Адвокаты, законы, переговоры — это все там, за кордоном. А у нас если какой-то большой шишке понадобилось упрятать вас за решет-

ку, то никакие объяснения не помогут. А тут, чуется мое сердце, как раз та самая ситуация...

— Ты можешь выражаться яснее? — вспыхнул Стас.

— В том-то и дело, что не могу. У меня пока одни предположения, никаких фактов... Кроме того, что выписан ордер на ваш арест. Так что единственное, чем вы сейчас можете себе помочь, — это исчезнуть. И как можно скорее. Вас собираются взять с минуты на минуту, вот-вот выедут бойцы. Если уже не выехали. Вы дома?

— Дома, вещи собираю. У меня сегодня самолет в... — начал Стас, но его опять перебили.

— Да какой, к черту, самолет? Вы что же думаете, при подобном раскладе вас выпустят из страны? Не смешите. Нужно спрятать вас здесь, я уже об этом позаботился. Только что отправил к вам Игоря на его машине, надеюсь, он успеет быстрее ментов... Берите с собой самое необходимое, и он отвезет вас в безопасное место. Я буду ждать вас там.

Некоторое время Стас еще в недоумении смотрел на трубку, из которой доносились короткие гудки. Потом спохватился, бестолково заметался по квартире, бросаясь от сумки к чемодану и из спальни в кабинет. Он так толком и не сумел осознать, что, собственно, произошло и почему он должен бежать, но склонен был доверять Сергею и понимал, что шутить подобным образом тот не станет. Раз Головин так сказал — значит, ситуация действительно критическая, значит, ему, Станиславу Шаповалову, грозит серьезная опасность. Значит, надо уехать, спрятаться, переждать некоторое время. А тем временем получить всю необходимую информацию, проанализировать ее — и только после этого решить, что делать дальше...

Он отыскал сумку, которую планировал взять с собой в самолет, расстегнул, чтобы доложить туда кое-что из чемодана, и в этот момент сообра-

зил, что должен позвонить Олесе. Набрал номер и, чертыхаясь, долго слушал в телефоне длинные гудки. Позвонил еще раз, потом еще — с тем же эффектом. Олеся, как и многие женщины, обладала весьма раздражающей мужчин привычкой бросать телефон где попало или закладывать на самое дно сумочки. В результате с ней никогда не получалось связаться, когда это было срочно необходимо, а она потом делала удивленное и обиженное лицо: «Ну я же не виновата, что не слышала звонка!» Выругавшись, Стас принялся набирать ей sms-сообщение — занятие, которое он ненавидел всей душой. От волнения он нажимал не те кнопки, путал буквы. Приходилось сбрасывать текст и опять набирать по новой.

В это время дверь распахнулась, и в квартиру влетел Игорь, высокий плечистый парень, бывший, несмотря на свою молодость, одним из самых толковых подчиненных Головина.

— Станислав Михайлович, умоляю вас, скорее! — скороговоркой затараторил он. — Звонил Сергей Александрович. Он говорит, что, по его сведениям, менты совсем скоро будут здесь, и тогда мы вам уже ничем помочь не сможем. Если вы попадете в полицию, то уж точно ничего никому не докажете! Сергей Александрович настаивает, чтобы вы уезжали как можно быстрее. Машина внизу!

— Игорь, я могу захватить с собой вещи? — Стас указал на полусобранные чемоданы. — Только я еще не все успел сложить...

— На это нет времени, Станислав Михайлович! Берите только самое необходимое. Что я могу взять? — Он торопливо оглянулся вокруг.

— Тогда вот эту сумку.

— Хорошо. Жду вас в машине!

— Да, я спущусь через минуту.

— Только скорее, очень вас прошу!

Игорь убежал, а Стас метнулся в кабинет, чтобы взять из сейфа деньги и документы. Обнаружив, что в кабинете приоткрыто окно, он стал закрывать его и вдруг услышал во дворе подозрительный шум. Чуть сдвинув жалюзи, Стас осторожно выглянул наружу и понял, что опоздал.

Это было как в кино — полицейские машины, омоновцы в камуфляже, четко и слаженно высыпаясь из фургона... Стас увидел, как двое вооруженных бойцов в закрывающих лицо шапках-масках с прорезями для глаз выводят из подъезда Игоря, заломив ему руки за спину. И в этот момент вдруг стало по-настоящему страшно. Подобного ужаса, от которого холодеет все внутри и немеют конечности, Стас не испытывал очень давно, с самого детства. Перед глазами вдруг замелькали жуткие картины, которые вызывают у законопослушных граждан, никогда не нарушавших закон, понятия «арест», «тюрьма», «камера», «заключенные», «допрос» и так далее.

Не помня себя, Стас кинулся в прихожую, торопливо обулся, сорвал с вешалки пальто и бросился прочь из квартиры, на ходу заматывая вокруг шеи длинный кашемировый шарф.

Он выбежал в коридор и рванулся к лестнице, ведущей на чердак, благо жил на предпоследнем этаже.

Скорее, скорее...

Ключ от чердака у него имелся, болтался без дела на общей связке. Когда, года три назад, Стас купил квартиру в этом доме, Сергей не только настоятельно посоветовал ему запасться ключами от чердака и подвала, но и самолично, то ли в шутку, то ли всерьез, *«проработал с ним пути возможного экстремного и экстремального ухода»*.

— На всякий случай, — говорил тогда он, ухмыляясь. — Мало ли что в нашей жизни может случиться. Надо ко всему быть готовым. Вот и отработаем подходящий вариант.

Стас тогда почти смеялся над начальником службы безопасности. Ему и в голову не приходило, что уроки Сергея когда-нибудь могут пригодиться...

От волнения он долго не мог попасть ключом в навесной замок чердака. Запор не поддавался так долго, что уже мелькнула ужасающая мысль — а что, если замок за это время уже успели сменить и его ключ не подходит? Тогда он пропал... Судя по шуму внизу, омоновцы уже в подъезде. Очень скоро они поднимутся в квартиру, осмотрят ее, поймут, что Стас сбежал, начнут его искать и наверняка придут сюда... В тот момент, когда показалось, что топот уже совсем близко, замок неожиданно поддался. Стараясь действовать как можно тише, Стас открыл дверь, вбежал на пыльный, тускло освещаемый маленькими слуховыми окнами чердак и, распугивая нашедших здесь приют многочисленных голубей, подбежал к небольшой железной лестнице. На его счастье, люк, ведущий на крышу, был закрыт только на вставленную в металлические «ушки» толстую проволоку. Обдирая в кровь пальцы, Стас сумел размотать ее, с усилием поднял тяжелую створку люка и выбрался на скользкую, чуть припорошенную снегом крышу. Теперь, согласно указаниям Сергея, нужно было держать направление в сторону соседнего дома. У того с крыши и почти до самой земли спускалась вниз пожарная лестница. Необходимо было добраться до нее, и как можно быстрее.

Сердце буквально разрывалось в груди. Стас удивился, как это он еще ухитряется двигаться. Нет, не зря он постоянно поддерживал себя в форме, ходил в бассейн и время от времени посещал фитнес-центр. Вот и пригодилось! Но если бы не инстинкт загнанного зверя, уведивший его от опасности и вздымавший в крови упругую волну адреналина, не помогли бы никакие тренировки. К своему удивлению, Стас очень быстро достиг края крыши и до-

вольно легко перебрался на соседнюю, благо дома стояли вплотную друг к другу и были практически одинаковой высоты. А вот поиски пожарной лестницы, как ни странно, отняли больше времени, чем предполагалось, Стас никак не мог вспомнить, где она находится, и обнаружил спуск вниз, когда уже почти потерял надежду это сделать.

Станислав старался не думать о том, как отреагируют жители соседнего дома, увидев солидного мужчину средних лет, в пальто от Brioni и модном кашемировом шарфе с ярким зелено-белым орнаментом, спускающегося по пожарной лестнице. Оставалось только надеяться на то, что ему удастся слезть достаточно быстро и скрыться раньше, чем он успеет собрать вокруг толпу любопытных.

Сегодня Стасу определенно везло. Уже смеркалось, двор оказался почти пуст, и, похоже, в начинающихся сумерках никто не обратил внимания на движение по скрытой выступающим темным эркером лестнице. Станиславу помешало лишь то, что самая нижняя часть лестницы оказалась забита фанерой, но времени на растерянность не имелось. Спустившись как можно ниже, он повис, уцепившись руками за последнюю свободную ступеньку, постарался сгруппироваться и спрыгнул с высоты приблизительно трех метров. От прыжка Стас упал, довольно чувствительно ударился плечом об асфальт, но тут же, не обращая внимания на боль, вскочил на ноги, как следует отряхнулся, торопливо огляделся и направился к выходу из двора. Нажал кнопку на электронном устройстве, открыл кованую металлическую калитку и оказался на улице.

Куда идти, он представления не имел, понимал только одно — оставаться на месте опасно. И потому быстрым шагом двинулся по Тверской, в сторону, противоположную от его дома. Успокоиться и взять себя в руки пока не получалось, он не мог сдержать

тревоги и то и дело оборачивался. Но все-таки какая-то часть его мозга не была охвачена паникой, Стас еще мог что-то замечать и анализировать. Потому-то и отметил, что уже несколько раз видел одного и того же человека, который упорно следовал за ним. Крупный, слегка сутулый мужчина в темной куртке, застегнутой выше подбородка, и черной вязаной шапке, надвинутой на глаза так низко, что почти не видно лица. Правую руку он держал в кармане, а левой мерно покачивал при ходьбе.

Если бы не этот человек, Стас, возможно, остыл бы, стряхнул с себя захвативший его азарт бегства. Ведь бежать ему, если подумать, было теперь некуда. Без денег, без документов... В любом случае его рано или поздно поймают. Не лучше ли вызвать адвоката и достойно отдать себя в руки правосудия? А там будь что будет!

Но сейчас ситуация резко обострилась и обрела вполне конкретные и очень опасные очертания. Каким-то шестым чувством Стас понял, что этот человек охотится именно за ним. И что ничего хорошего ждать от него не приходится.

Станислав резко свернул за угол и прислонился к холодному металлическому боку уличного газетного киоска. И почти тут же он услышал уверенные шаги. Преследователь появился сразу же за ним, оглянулся — и увидел Стаса.

Их взгляды встретились, и выражение глаз этого человека поразило Станислава. Впоследствии он много раз с замиранием сердца вспоминал его, но так и не сумел описать словами. Эти глаза были абсолютно пусты, в них точно пряталась бездна, страшная, черная, которая, казалось, готова была поглотить в себя все живое...

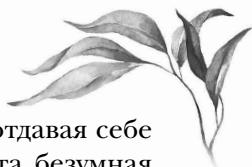
Голова Стаса закружилась, и он внезапно, как по наитию, осознал, с какой целью его преследует этот человек. Озарение пришло за несколько мгновений

до того, как тот вынул из кармана правую руку, в которой что-то тускло блеснуло в свете вечерних огней Тверской. В тот момент Стас еще не успел осознать, что это такое, но чисто интуитивно дернулся в сторону и вниз — и это бессознательное движение спасло ему жизнь. Что-то обожгло левое плечо, но он не стал прислушиваться к своим ощущениям, поняв наконец, что держал в руках противник — пистолет с неестественно длинным стволом.

«Глушитель!» — догадался Станислав, хотя до этого видел подобное только в боевиках. И инстинктивно бросился на противника, со всей силы толкнув его обеими руками в грудь. Тот явно не ожидал такой реакции, покачнулся и не устоял на ногах, упал навзничь. И, кажется, выронил пистолет. В последнем Стас не был уверен, потому что не стал вязаться в драку, а кинулся прочь.

Станислав ясно понимал, что тот, кто напал на него посреди людной улицы, несомненно, профессионал. Он сделает все, чтобы чисто убрать клиента, бороться с ним человеку, не имеющему никакой специальной подготовки, бесполезно. Потому Стас и решил бежать. Из последних сил он рванул прямо через проезжую часть. Заскрежетали тормоза, мелькнули за стеклами автомобилей расплывчатые лица водителей, за спиной кто-то заорал, не стесняясь в выражениях в адрес Стаса, и противоположный тротуар словно подпрыгнул к его ногам. Теперь от преследователя его отделял поток мчащихся автомобилей.

Стас летел, не разбирая дороги, налетая на шархавшихся от него прохожих, пару человек он попросту сбил с ног и, не обращая внимания на их крики, мчался дальше. Мелькали светящиеся вывески магазинов и кафе, кружились в лихорадочном хороводе наряженные к приближающемуся Новому году елки в витринах, что-то гневно орали вслед встреч-

ные... Вперед, вперед!.. Стас бежал, не отдавая себе отчета, куда бежит и где закончится эта безумная гонка.

Через какое-то время он понял, что этим своим беспорядочным отчаянным бегством только привлекает к себе внимание. Прохожие могут запомнить его и указать преследователям, куда побегал этот ненормальный. Осознав это, Стас заставил себя перейти на быстрый шаг. Надо отдышаться и решить, что делать дальше...

Но что делать дальше?

Стасу казалось, что удирал он очень долго и отбежал от места столкновения с убийцей минимум на несколько километров. И он был бы очень удивлен, если б осознал, что на самом деле удалился всего на несколько кварталов от газетного киоска, который чуть было не стал свидетелем его смерти. Но Станислав в тот момент не очень хорошо осознавал происходящее. И сам не знал, что заставило его вдруг свернуть с Тверской в тихий узкий переулок, похожий на сумрачный тоннель, в конце которого никогда не блеснет свет. Почти сразу ему бросилось в глаза невысокое угрюмое темное здание, плотно обтянутое грязно-зеленой сеткой и кое-как обнесенное деревянным забором. Особняк мог бы стать для него спасительным укрытием — но сначала надо было в него как-то попасть. Вот только как? Осматриваясь, Стас заметил в заборе небольшую дыру, что-то вроде собачьего лаза. Может, проникнуть через нее? Нет, отверстие слишком мало, туда не протиснуться. Он подскочил к дыре и ударил ногой по хлипко сбитым доскам. Удар неожиданно отозвался резкой болью в плече. Стас машинально приложил руку к этому месту, потом взглянул на свою ладонь — пальцы были в крови. Неужели он ранен? Сжав зубы, Стас ударил еще раз и еще... Вцепился в доски руками, рванул... Наконец одна доска все-

таки поддалась. Он сдвинул ее в сторону и с трудом стал протискиваться в образовавшуюся щель, при этом его длинный кашемировый шарф зацепился за гвоздь и чуть не задушил своего владельца. Стас рванулся, упал и оказался по ту сторону забора.

Не поднимаясь с земли и сдерживая дыхание, он осторожно задвинул доски и обессиленно привалился спиной к ограде.

Кажется, ушел...

Глава 2

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА

«Глок» привычно лежал в ладони. Сергей Головин медленно и плавно поднял руку. Он слился с оружием, пистолет стал его продолжением, частью его самого. Не нужно было думать, как целиться, когда нажать на спусковой крючок — все происходило само собой, словно и без его участия. Такое не бывает случайностью, подобное умение — настоящее искусство, оно достигается долгими и упорными тренировками. Но и одних тренировок тут явно мало. Нужен еще и длительный опыт, привычка рисковать жизнью, когда от быстроты и точности каждого твоего движения напрямую зависит, будет ли и впредь над тобой светить солнце — или оно погаснет, возможно, что и навсегда.

Пистолет коротко дернулся. Сергей тут же квырком ушел в сторону и в движении выстрелил еще два раза. Снова поменял позицию, и вновь прогремели два выстрела.

Теперь можно посмотреть и на результаты.

— Сергей Александрович, почти все в «десятку», — восхищенно сообщил Иван, один из самых здоровенных его бойцов, накачанный и налысо бритый парень. — А кучно-то как...

— Учитесь, салаги, — снисходительно сказал Сергей своим подчиненным, с почтительным любопытством рассматривавшим мишень.

Он-то знал, что без реальной опасности, без немигающего взгляда смерти, уставившейся тебе в глаза, достичь такого искусства почти невозможно, тренируйся хоть до посинения. Сергей был доволен, что до сих пор не растерял боевых навыков. Есть еще порох в пороховницах. Мы еще поживем, постреляем. Поборемся за достойное место под этим солнцем.

— Продолжайте тренировку, — коротко бросил он, — Иван, остаешься за старшего. Я поеду в контору, — и вышел из тира.

Верный боевой конь, «Лендкрузер»-трехлеток (пора бы уже сменить на что-нибудь поновее, да уж больно он к нему привык, сроднился, можно сказать), весело мчал своего хозяина по неожиданно свободным улицам в сторону центра. Офис «Объединенной Строительной Компании», который Сергей Головин по старой привычке служилых людей панибратски именовал конторой, располагался на Бульварном кольце, в старинном особняке, находившемся — вот ведь удивительное совпадение! — в каком-нибудь получасе неторопливой прогулки от того полуразрушенного особняка, что дружил с большим вязом. Более того, эти дома были почти ровесниками. Так что встретятся оба особняка парадным входом к парадному, у них наверняка нашлось бы о чем поговорить-покалякать, глядишь, и общих знакомых бы отыскиали... Да вот только не встретятся они, не поговорят. Слишком разные у них получились судьбы.

Один умирал в переулке под сенью старого вяза, зато другой наслаждался самым что ни на есть своим расцветом. Был он недавно отреставрирован, вычищен и ухожен так, что залюбуешься — сразу видно, что потрудились над ним заботливые и умелые специалисты. Свежевыкрашенный охрой, что так идет зданиям в стиле «ампир», фасад с заботливо восстановленными белоснежными коринфскими колоннами, чистые арочные окна, может, и со стеклопакетами, но рамы на первый взгляд от старинных ни за что не отличить. В небольшом палисаднике нашлось место и клумбам, и высоким деревьям, от кованых ворот в литой чугунной ограде к дому плавно убегает гранитная подъездная дорожка. Словом, загляденье — да и только.

Кажется, вот-вот откроется тяжелая резная дверь особняка, на пороге появится швейцар в малиновой ливрее и зычным басом прикажет подавать карету. И застучат колеса, качнется на рессорах карета, влекомая двумя серыми в яблоках рысаками, на порог дома выпорхнет хорошенькая быстроглазая девушка в модной шляпке, только вчера купленной во французском магазине на Кузнецком Мосту. Вскинет убранный локонами головку, махнет затянутой в лайковую перчатку ручкой маменьке, глядящей на нее из окна мезонина, чуть приподнимет кружевной подол юбки, поставит на ступеньку узкую ножку, обутую в изящную высокую ботинку, и юркнет в шелковое нутро кареты. На запятки вскочит дюжий лакей в расшитом галунами камзоле, всхрапнут, косясь горячими глазами, рысаки, и карета, набирая ход, резво тронется со двора...

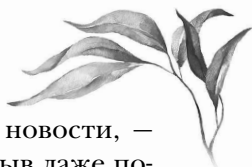
Но — увы! — ничего этого не произойдет уже никогда.

Нет больше карет, нет рысаков, нет французских модисток на Кузнецком Мосту. А есть заметная даже в ранних зимних сумерках спутниковая тарелка, вы-

сунувшаяся из-за стройной колонны, есть тянущаяся над особняком нотная линейка проводов и электрические лампочки в тщательно стилизованных «под старину» фонарях. И на стоянке сбоку от особняка замерли вовсе не кареты с фамильными гербами на дверцах, а современные автомобили, все как один — новенькие иномарки с блестящими боками, в которых отражается, играя, свет уличных фонарей.

Именно на этой стоянке и парковал свою машину начальник службы безопасности, когда в кармане его куртки запиликал мобильный телефон. Кинув взгляд на экран, Сергей сразу сосредоточился — разговор с этим собеседником мог оказаться важным. Однако в ту минуту, когда в душе сохранялось еще отличное настроение, прихваченное с собой из тира, он даже и представить себе не мог, насколько важным будет это телефонное сообщение...

Звонил Сергею старый знакомый, можно даже сказать, приятель, Юра Антипов. Когда-то, в столь далекие теперь уже годы юности, они с Юркой вместе приобретали первые запасы того бесценного боевого опыта, о котором вспоминал сегодня Сергей, и крепко дружили. Но те времена давно миновали. Потом их дороги разошлись, Головин подался охранять бизнесменов, а Юрий остался на службе в правоохранительных органах и теперь работал на Петровке, в отделе аналитики. До недавнего момента встречались они с Сергеем нечасто, бывало, что и не каждый год, только созванивались регулярно. Но этой осенью, когда в «Объединенной Строительной Компании» случилось ЧП и при загадочных обстоятельствах погиб один из владельцев фирмы Андрей Жданов, Головин на всякий случай снова наладил связь с Юркой, чтобы держать руку на пульсе. Месяца полтора тревожиться было особо не о чем, следствие шло ни шатко ни валко — и вдруг, как гром среди ясного неба, этот звонок.

— Сегодня у меня, Серега, фиговые новости, — сразу выдал с места в карьер Юрий, забыв даже поздороваться. — Похоже, твоего шефа хотят подставить по-крупному.

— А конкретнее? — Сергей заглушил мотор и вынул ключи из замка зажигания.

— А конкретнее — я только что узнал, что суд выдал ордер на его арест. Станислава Шаповалова подозревают в убийстве своего партнера по бизнесу.

— Что за херня?! — От изумления Головин чуть не выронил ключи. Он в тот момент собирался уже выйти из машины, но не вышел, так и остался сидеть за рулем. — На каких основаниях?

— Пока ничего тебе сказать не могу, — отвечал собеседник. — Знаю только о планируемом задержании. Я, как ты понимаешь, дал команду, чтобы меня держали в курсе, как идет следствие по этому делу. Вот мне и шепнули, что ребята нарыли какие-то улики против Шаповалова, да настолько веские, что надо прямо сейчас его брать... Но что именно за улики — мне пока неизвестно.

— Бред какой-то... — От подобного сообщения даже привычный к экстремальным ситуациям Сергей Головин на миг растерялся.

— Мое мнение — тут что-то нечисто, — продолжал тем временем Юрий. — Кому-то это все очень на руку, вопрос — кому и зачем. В общем, слушай меня внимательно. Бросай все, дуй сейчас к своему шефу, запиши-вай его в машину, увози из дома и хорошенько спрячь где-нибудь. Если его возьмут, это здорово осложнит дело. Кто его знает, что за игру там затеяли и чем она обернется... Вплоть до того, что могут и в камере убить. Так что действуй, а я пока разужнаю, что к чему, как только что-то прояснится — перезвоню. Все, отбой.

И в трубке запиликали короткие гудки.

Сергей приоткрыл окно автомобиля, полной грудью вдохнул прохладного сырого воздуха и потер

ладонями виски. Времени на раздумья не оставалось, нужно было срочно что-то предпринимать.

История со смертью Андрея Вячеславовича Жданова действительно выглядела как-то очень странно, чтобы не сказать — подозрительно.

С момента основания и до недавнего времени у фирмы «ОСК» было два владельца. Вроде бы и полноправных — и одновременно не совсем. Однажды, когда Сергей учился в школе, классе в седьмом, он, отвечая на геометрии, сморозил глупость, заявив, что отрезок делит окружность на две неравные половины. Над ним тогда смеялся весь класс и даже учительница — ну как это половины могут быть неравными? Но много лет спустя, когда судьба привела его в «Объединенную Строительную Компанию», Головин не раз вспоминал эту свою детскую оговорку, очень уж точно она характеризовала распределение ролей между руководством фирмы. Потому что основатель фирмы Михаил Шаповалов, отец нынешнего владельца «ОСК», Станислава, всегда был впереди и во главе, а его партнер Жданов словно бы прятался в его тени. При этом Андрей был отличным специалистом, чуть ли не вся, что называется, исполнительская сторона деятельности фирмы — собственно, строительство, работа с подрядчиками и все такое прочее — была полностью в его руках, и он с ней отлично справлялся. Но как-то так повелось, что все заказчики и партнеры считали «ОСК» безраздельной собственностью Михаила Шаповалова, многие из них даже не подозревали, что пятьюдесятью процентами акций компании владеет незаметный и мало кому известный Жданов. И того подобное положение вещей полностью устраивало, он сам не любил внимания к своей персоне.

Сергей Головин, который отнюдь не был туповатым солдафоном (которым изредка, когда это было нужно, умело прикидывался), любил иногда

на досуге анализировать поведение различных людей и размышлять о его причинах. Думая об Андрее Вячеславовиче, Головин пришел к выводу, что скрытность и замкнутость Жданова обусловлены его интимной тайной: он был представителем нетрадиционной сексуальной ориентации. В студенческие годы, пришедшиеся на начало семидесятых, Андрей женился на однокурснице и прожил с ней в браке год или полтора, но к моменту окончания института они уже развелись, и с тех пор Жданов больше не обзавелся семьей, видимо, раз и навсегда поняв, что женщины его вообще не интересуют. Однако и свою склонность к мужчинам он также всю жизнь хранил в строгом секрете — не только в молодые годы, когда гомосексуализм считался преступлением, но и позже, когда сто двадцать первая статья Уголовного кодекса была уже отменена. И в наши дни, когда многие выставляют напоказ свою гомосексуальность и чуть ли не гордятся ею, тыча в глаза всему окружающему миру, Андрей предпочитал держаться в стороне от этой демонстрации. Знали о его пристрастиях очень немногие в офисе, например, разве что только партнер Михаил Шаповалов, ну и Сергей Головин, конечно, по долгу службы. Остальные, включая вездесущих секретарей, могли об этом только догадываться.

Постоянных привязанностей Жданов не имел, ограничивался нечастыми разовыми партнерами. И вообще, как знал Головин, с годами его неяркая личная жизнь и вовсе свелась к минимуму, все интересы Андрея Вячеславовича стали ограничиваться работой. При таких доходах, которые приносила ему строительная компания, Жданов давно бы мог уже удалиться от дел, купить себе уютное жилье (да не домик в Подмосковье, а виллу на Канарах!) и безбедно существовать, наслаждаясь благополучием и роскошью. Однако материальная сторона бытия

его, похоже, вообще не интересовала. Андрей жил, как настоящий аскет, в удобной, но весьма скромной по виду московской квартире и был совершенно равнодушен ко всем игрушкам для богатых, с помощью которых состоятельные люди так любят подчеркнуть свою респектабельность, — престижным автомобилям, стильным аксессуарам, дорогостоящим хобби. Из всего этого списка Жданову нравились только путешествия, он с удовольствием ездил по миру, не жалея на это средств, но позволял себе подобные развлечения нечасто, раз, максимум два в год, поскольку был очень занят.

Жданов очень много работал, но редко бывал в офисе, с утра и до поздней ночи пропадал на объектах, предпочитая лично контролировать чуть ли не каждый этап, каждую деталь процесса строительства, от архитектурных планов и смет до завершения реставрационных работ и от рытья котлована до внутренней отделки помещений. На стройке была его жизнь — и там же, на стройке, встретил он и свою смерть. Однажды, уже довольно поздним вечером, Андрей Вячеславович приехал на объект — высотный дом в районе Рязанского проспекта — и зачем-то поднялся один на самые верхние, еще строящиеся этажи. Через некоторое время сторожа обнаружили его тело на земле. Согласно заключению медицинской экспертизы, Жданов погиб, упав с большой высоты. Однако что послужило причиной этого падения, никто с уверенностью сказать не мог. И следователи, и сотрудники компании терялись в догадках. Смерть Андрея Вячеславовича горячо обсуждалась в офисе, но прийти к единому мнению никак не получалось. Возможно, говорили одни, произошел несчастный случай — у не слишком молодого и не слишком здорового человека внезапно закружилась голова, когда он подошел близко к краю неогороженной площадки. Однако в ответ на это предположение скептики

тут же выдвигали контраргумент — неужели человек, более сорока лет проработавший в строительстве, будет пренебрегать такими важными правилами техники безопасности? Была версия и о суициде, ее сторонников не смущало то, что причин добровольно покидать этот мир у Жданова вроде бы не было. «Просто мы их не знаем, — уверяли они. — Андрей Вячеславович был таким скрытным человеком, никому не ведомо, что творилось у него в душе. Может, он пережил какое-то горькое разочарование или у него нашли неизлечимую болезнь. Или он просто устал жить, знаете, как иногда бывает...» Полиция тоже рассматривала подобный вариант объяснения смерти — но безуспешно. Никаких данных об опасных болезнях и внезапных ударах судьбы обнаружено не было. По отзывам свидетелей, Жданов последнее время был таким же, как и всегда — спокойным, уравновешенным, увлеченно занятым своим делом. Поверить в то, что такой человек вдруг ни с того ни с сего кончит жизнь самоубийством, не оставив никакой предсмертной записки и никак не объяснив своего поступка, было нелегко. Так что оставалась еще третья гипотеза, самая популярная — убийство. И полиции, и сотрудникам офиса подобное объяснение представлялось наиболее вероятным — до тех пор, пока дело не доходило до ответа на вопросы «Кто?» и «Зачем?». Конечно, Жданов был очень состоятельным человеком, однако родственников, не только близких, но и дальних, у него не имелось, и вопрос с наследством до сих пор оставался открытым. Так что на преступление, совершенное из корысти, предполагаемое убийство никак не походило, во всяком случае на первый взгляд. Да и найти врагов Андрея, людей, которым он мог помешать, тоже оказалось не так-то просто. И самая, казалось бы, убедительная версия объяснения смерти Жданова также зашла в тупик.

По крайней мере, именно так думал до сегодняшнего дня Сергей Головин, который, в глубине души не доверяя родной полиции, вел и собственное расследование странного происшествия на стройке. Он тоже не мог найти никаких концов и, что самое неприятное, даже не сумел установить, с какой целью Жданов поехал в то время на объект. В ответ на такой прямой вопрос подчиненные лишь пожимали плечами и начинали бормотать что-то о характере Андрея Вячеславовича, который привык держать все под собственным контролем и вполне мог даже и ночью приехать что-то посмотреть, если ему такая идея приходила в голову. Но все это, разумеется, не убеждало Сергея. Будучи человеком добросовестным и настоящим профессионалом в своем деле, он чувствовал, что не успокоится, пока не найдет убедительного решения этой загадки. Тем более что за семнадцать с лишком лет, проведенных на этой фирме, компания «ОСК» уже давно стала для него много больше, чем просто службой. Головин был и по-человечески привязан к Михаилу Шаповалову, который дал ему работу в трудные времена и несколько раз по-крупному выручал его, когда случались неприятности (а у кого их не бывает?). Симпатизировал Головин и сыну Шаповалова, этому *воспитанному в Европах* парню, который так толком и не сумел прижиться на российской почве. К Стасу, особенно после смерти его отца, Сергей относился даже несколько покровительственно, хотя был старше его совсем не на много лет, максимум на семь. И вот теперь кому-то пришла в голову идиотская мысль объявить Стаса убийцей. В том, что босс не имеет никакого отношения к смерти партнера, Головин, с его-то опытом и знанием людей, был стопроцентно уверен. Однако, как понял он из слов Юрки, дело было даже не в том, что полиция взялась всерьез подозревать Станислава, а в том, что сына Михал

Анатолича кто-то решил подставить. Кто и зачем — Головин пока не знал. Но дал себе слово разобраться в этом, и как можно скорее.

Однако каждому овощу свое время. Для начала нужно было не допустить, чтобы Стас попал в руки полиции. Необходимо было побыстрее спрятать его в как можно более надежном месте.

Место такое у Сергея на примете имелось. Это была дача его бывшей подружки километрах в восьми от Кубинки — не дача даже, а полноценный дом, теплый и удобный, где было вполне комфортно жить в любое время года, даже сейчас, в эту промозглую бесснежную зиму. Светлана, владелица дачи, несколько лет назад переехала в Германию, но жечь за собой мосты не спешила, сохраняла российское гражданство и собственность. Оставшуюся в Москве большую квартиру она сдавала каким-то иностранцам, а дачу, уезжая, оставила на попечение бывшего любовника, взяв с него клятву, что он будет как следует присматривать за ней. Что Сергей и делал со всей ответственностью, впрочем, и не без удовольствия для себя. Именно на этой даче он планировал встретить через неделю Новый год — в компании друзей и подальше от жены. Теперь от этих планов, конечно, пришлось отказаться, но благополучие шефа представлялось куда более важным делом, чем ночная пьянка с шашлыками на свежем воздухе.

Так и не выйдя из автомобиля после разговора с Юрием, Сергей снова завел мотор и выехал со стоянки. Выруливая на Бульварное кольцо, он одновременно набрал номер Игоря, самого толкового из охранников босса, и дал парню ясные четкие указания. Дважды повторять не пришлось — Игорь понял команду с полуслова и заверил, что уже выезжает за Станиславом Михайловичем.

Нужно было сделать еще несколько звонков — Виктору, новому, но уже хорошо зарекомендовавше-

му себя охраннику, прошедшему службу в десантных войсках, — пусть подстрахует Игоря. В таком деле, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Виктор принял звонок моментально и, записав адрес шефа, отрапортовал, что выезжает немедленно.

Уточнив еще раз все детали, Головин нажал кнопку отбоя и тут же перезвонил Стасу. Тот в общем и целом держался молодцом, не впал в панику, не закатил истерику (а подобного поведения в экстремальных ситуациях Сергей насмотрелся достаточно у лиц обоего пола, причем у мужчин даже чаще). Убедившись, что его правильно поняли и указания выполняются, Головин позволил себе немного расслабиться. Пока все под контролем, ситуация не вызывает опасений. Если в дороге не случится никакого форс-мажора, он приедет на дачу чуть раньше шефа, отопрет ворота и дом (ключи у него всегда были с собой, на всякий случай) и успеет даже включить отопление. А после того как придут Игорек с Виктором и со Станиславом и он, Сергей, убедится, что босс в полной безопасности, нужно будет вернуться в Москву, навестить Юрку и тогда уже все как следует разузнать.

Автомобиль Сергея уже въехал на Кутузовский проспект, когда раздался сигнал мобильного. Это вновь звонил Юра.

— Плохо дело, Серега! — почти крикнул он. — За твоим шефом аж ОМОН отправили. Едут к вам в офис.

— А пусть прокатятся, — хмыкнул Головин. — Михалыча там все равно нет, он в отпуске с сегодняшнего дня. Обыск и прочие перфомансы будут устраивать?

— Похоже, нет, не планируется. Пока им нужен только Шаповалов, но очень срочно.

— Что ж так приспичило?

— Да не знаю я пока... Но чувствую — дело тут нечисто. Ладно, я перезвоню, будь на связи.

Размышляя, не вернуться ли, пока не поздно, в центр, чтобы самому поехать за Стасом, Сергей одновременно набирал номер Игоря.

— Ты где?

— Да уже почти на месте, Сергей Александрович, Маяковку проезжаю.

— Ясно. Давай скорее, а то у вас будет шанс маскишоу увидеть. Говорят, они сначала в контору поедут, а потом к вам.

— Все понял, через пару минут буду на месте.

— Ладно, отзовись мне, как только заберешь шефа.

— Слушаюсь, — по-военному откликнулся Игорь.

Двигаясь дальше по Кутузовскому в сторону области, Сергей гадал, чем может обернуться визит омовцев в контору. Юрка сказал, что обыска проводить не будут, значит, тревожиться особенно не о чем. Придут, узнают, что главы фирмы нет, может, для острастки покуражатся, построят народ, отберут телефоны и все такое, пошумят немного да и уберутся восвояси. Нет, в фирме присутствие руководителя службы безопасности сейчас явно не требуется, там обойдутся без него. А вот то, что звонка от Игоря все еще не поступало, уже начинало волновать. По расчетам Головина, они с шефом уже должны были выезжать с Тверской... Что ж Игорек молчит, не сорвалось ли дело?

Не выдержав, Сергей сам набрал номер подчиненного и послушал безнадежные длинные гудки. Телефон Виктора не отвечал. Да что же это такое?! Ситуация Головину уже здорово не нравилась. Вскоре после того, как «Лендкрузер» пересек МКАД, Головин притормозил, съехал на обочину и стал упорно дозваниваться до подчиненных, но те по-прежнему не выходили на связь. Презрев все пра-

вила дорожного движения, он круто повернул руль, развернулся и двинулся в Москву.

Обратная дорога заняла больше времени — вечерело, люди уже начали выезжать с работы, число и величина пробок значительно выросли. Когда Сергей наконец добрался до дома на Тверской, где жил его патрон, уже давно стемнело. Но это не помешало Головину сразу же увидеть, как только он оказался во дворе, припаркованную почти у самого подъезда машину Игоря. От этого зрелища сразу опустились руки. Значит, не успел Игорек...

Вынув молчаливый телефон, Сергей набрал номер Юрия.

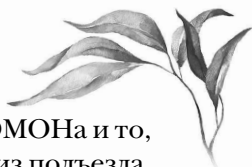
— Что ж ты мне даже не сообщил, что их взяли? — прорычал он.

— Кого? — изумился собеседник. — Ты ничего не путаешь? По моим сведениям, задержать Шаповалова не удалось, его объявили в розыск...

— Как это — не удалось? А где же он тогда?

— Ну, это тебе лучше знать, — усмехнулся Юрка.

Окна квартиры шефа были темны, но это не обязательно значило, что дома никого нет. То есть, конечно, это говорило лишь о том, что там нет хозяина. По всей вероятности, в квартире оставили засаду. Подниматься Головин не стал. На всякий случай несколько раз позвонил Стасу на мобильный. Разумеется, это ничего не дало. Ни шеф, ни охранники по-прежнему не отзывались. Тогда руководитель службы безопасности прибег к методу, который полицейские в кино используют гораздо чаще, чем в жизни, — занялся поиском свидетелей. Отыскал дворницкую, заглянул в нее, переговорил с собравшимися там плосколицыми и узкоглазыми мужчинами разных возрастов, вероятно, киргизами. Ему повезло — один из дворников, молодой, крепкий, судя по всему, неглупый и сообразительный парень отлично изъяснялся по-русски. Он представился Аликом

и в ярких красках сумел описать приезд ОМОНа и то, как бойцы в камуфляже и масках вывели из подъезда, заломив руки, высокого плечистого молодого мужчину в джинсах и кожаной куртке. Сразу узнав по описанию Игоря, Сергей молча кивнул. Но дальше началась тайна, покрытая мраком. И Алик, и его менее способные к языкам соотечественники все в один голос твердили, что арестован был только один-единственный человек — вот этот самый парень. Да, бойцы заходили вон в тот подъезд, видимо, поднимались куда-то на верхние этажи — но вышли оттуда несолоно хлебавши, того, за кем они приезжали, в квартире не оказалось. Щедро отблагодарив ценных свидетелей, Головин вернулся в свою машину и выехал со двора. Делать ему здесь больше нечего.

И почти тут же зазвонил телефон. На экране возник номер Виктора. Ну, наконец-то хоть какие-то концы по данному делу!

— Что случилось? Где ты? — крикнул Головин в трубку.

— Все сорвалось, — прозвучал глухой, будто сорванный, голос подчиненного. — Мы не успели. Игоря, я видел, забрали, Станислав Михайлович куда-то делся. Кажется, он ушел через крышу. Попытался отследить его, но потерял. Мне еще покрутиться в окрестностях?

Сергей нахмурился. Похоже, дело еще хуже, чем он предполагал.

— Покрутись, — велел он Виктору, — а я поеду разберусь с Игорьком.

— Принято, — четко отрапортовал подчиненный и отключился.

Приятно работать с профессионалами. Они еще повоюют.

Но для начала нужно разобраться, куда могли отвезти Игоря, и ехать туда вырывать парня.

С освобождением пришлось повозиться. Хотя на Игоря у полиции ничего не было, да и быть не могло, отпустить его долго не хотели. Головин вызвал лучшего адвоката, с которым сотрудничала их компания, несколько раз звонил Юрке, чтобы тот задействовал свои рычаги, сам долго беседовал со следователем, отвечая на всевозможные вопросы разной степени каверзости, и наконец добился своей цели — его подчиненного выпустили, напоследок дважды предупредив, чтобы не вздумал уезжать из города. Сергей лично добросил парня до его машины, а по дороге во всех подробностях расспросил о происшедшем. Сообщил Игорь не так уж много, подтвердив сведения, уже полученные от Виктора. Опираясь на имеющуюся информацию, он почти с уверенностью мог утверждать, как именно скрылся от полиции Стас — ведь именно Сергей показал ему возможный отходной путь. Но вот куда шеф мог деваться после побега — пока оставалось для Головина загадкой.

Глава 3

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА

Некоторое время Стас неподвижно лежал на грязном разбитом асфальте, кое-где припорошенном тонким слоем подтаявшего снега. Холода он не чувствовал. С тех пор как там, за газетным киоском, пуля впиалась в него и ожгла своим горячим мучительным поцелуем, прошло уже немало времени, но только сейчас он по-настоящему ощутил боль. Боль, становящаяся с каждым мгновением все сильнее. От нее кружилась голова и плыло перед глазами кроваво-красное марево. В этом тумане сам Стас не мог понять, открыты у него глаза или закрыты. Шок, заставивший его мчаться на бешеной скорости по Тверской, не обращая внимания на рану, постепенно проходил, и теперь Стас чувствовал себя совершенно измотанным и обессиленным настолько, что трудно было даже пошевелиться. Наверное, он все-таки потерял сознание, но, видимо, не полностью, поскольку не отключился, а находился словно бы

в бреду. То ему представлялось, что он все еще бежит по темному, перечеркнутому косыми тенями, страшному своей тишиной и безлюдностью переулку-тоннелю, то чудилось, что он снова пытается пролезть в щель ограды и забор сдавливает его ребра своими деревянными ребрами... То вдруг отчетливо, точно наяву, вставал перед глазами его преследователь, который с этим жутким, нечеловеческим выражением лица вскидывал уродливый удлинненный пистолет, а Стас, оцепенев от ужаса, не мог отвести взгляда от черного дальноторкового зрачка ствола. Снова и снова звучал в его ушах еле слышный щелчок выстрела, казавшийся Стасу оглушительным взрывом, и снова он резко дергался, пытаясь уйти в сторону от летящего навстречу маленького свинцового сгустка смерти.

Должно быть, в какой-то момент Стас вздрогнул не только мысленно, потому что забор вдруг покачнулся, и несколько капель талой воды стекло прямо за шиворот. Ледяная струйка, скользнувшая по спине, ненадолго привела Стаса в чувство. Во всяком случае, впервые за это время в голове пронеслась более или менее связная мысль — похоже, он все-таки сумел оторваться от своего кошмарного преследователя. Это осознание приободрило и придало сил. Однако следом за первой мыслью тут же пришла и вторая — о том, что ни в коем случае нельзя оставаться здесь и продолжать валяться у забора. Во-первых, потеряв сознание, он может просто-напросто замерзнуть, ведь на дворе пусть и теплый, но все равно декабрь. А во-вторых, весьма вероятно, что убийца продолжает его искать. Что, если он начнет прочесывать этот переулок, догадается заглянуть через забор и увидит его? Нет, нужно заставить себя подняться и обязательно найти более подходящее место для укрытия. Хотя бы спрятаться в развалинах особняка.

Стас попробовал подняться на ноги, но это удалось не сразу. Голова сильно кружилась, принять вертикальное положение было очень тяжело. Его тут же повело, он снова повалился на бок и сумел справиться с собой лишь после нескольких мучительных попыток, каждая из которых давалась с огромным трудом. Наконец он все-таки встал, держась за забор, сделал вперед шаг, потом другой. После этого шаткую опору пришлось выпустить из рук, и такая потеря оказалась критической, Стас покачнулся и упал на четвереньки. Опять поднялся не сразу, с массой усилий. Еще один шаг, снова падение... На третий раз он сообразил, что вставать на ноги, собственно, и необязательно, можно продвигаться к своей цели — зияющему чернотой дверному проему в стене дома — и на карачках. Что он и сделал. На четвереньках, а то и вовсе ползком Стас кое-как добрался до особняка, ценой невероятных стараний вскарабкался на то, что когда-то было крыльцом, и оказался внутри. Это путешествие, за время которого нужно было преодолеть всего каких-то несколько метров, отняло у него не менее получаса и абсолютно все силы. Упав на пороге дома, он отключился, на этот раз уже полностью, провалившись в беспросветную мглу, где не было ни мыслей, ни ощущений, ни кошмаров.

Трудно сказать, как долго Стас был в забытьи. Но явно мог бы проваляться вот так без чувств и гораздо дольше, если бы его вдруг не потрясли за руку и звонкий голос не произнес бы над самым ухом:

— Эй! Ты чего тут разлегся?

Стас услышал этот голос, но он донесся до него, словно через толстый слой ваты. Не то что ответить, но даже осознать, о чем его спрашивают и его ли вообще спрашивают, он был не в силах. Да и не было у него совсем никакого желания как-то реагировать на этот голос. Сейчас хотелось только одно-

го — снова впасть в утешительное забытие, где нет этой жуткой боли в плече и вообще ничто не тревожит...

Однако, судя по всему, оставлять в покое его не собирались. Стас чувствовал, что его трясут все сильнее, а голос продолжает звучать:

— Вот ведь нашелся тут пьянчуга на мою голову! Вставай! Поднимайся сейчас же! Я кому говорю?!

И так как он продолжал лежать без движения, то в голосе через некоторое время появились испуганные нотки:

— Эй, ты жив вообще? Что с тобой?

Наконец Стасу удалось собраться с силами, он застонал и открыл глаза.

Постепенно к нему возвращались ощущения, одно неприятнее другого — боль, холод, невероятная усталость и мерзкий, почему-то отдающий железом, солоноватый привкус во рту. Потом включилось обоняние, и Стас в полной мере смог оценить, чем «благоухает» вход в заброшенный старый дом. Зрение же из всех пяти известных человеческих чувств вернулось к нему последним. Понадобилось некоторое время, прежде чем он сумел разглядеть в тусклом отблеске уличного освещения того, кто так настойчиво тормозил его. Почти сразу Стас понял, что перед ним ребенок, девочка лет десяти, максимум двенадцати. То, что это именно девочка, можно было догадаться лишь по тому, что из-под рваной грязной курточки неопределенного цвета торчало нечто, напоминающее юбку или платье — трикотажный подол в полосочку со спущенными в нескольких местах петлями. Остальные части наряда склонившего над ним ребенка выглядели еще более удручающе: на голову натянута несколько вязаных шапочек, выглядывающих одна из-под другой, на ногах толстые, собравшиеся в гармошку рейтузы и старые, подвязанные веревкой сапоги со

сломанной «молнией», которые явно были на много размеров больше, чем требовалось их хозяйке. Шея этого жалкого и в то же время очень энергичного, судя по голосу, существа несколько раз была обмотана почти до самого рта грязным шарфом. В руках девочка сжимала толстую палку, на конце которой торчало несколько кривых ржавых гвоздей. Палка напоминала когтистую лапу свирепого крупного животного, ведущего отнюдь не вегетарианский образ жизни. В таком виде и с этим своим «оружием» выглядела девчушка весьма забавно, чтобы не сказать — комически, но Стасу сейчас было не до смеха. Сознание постепенно возвращалось к нему, но вместе с ним возвращались жуткая боль и чувство полного бессилия.

— Ты живой? — настойчиво повторила девочка.

— Пока живой... — выдавил из себя Стас. — Но это временно...

подавив стон, он попытался поднять руку и, морщась от боли, слегка шевельнул ею. Вроде рука двигалась, значит, кость не задета. «Что ж, первая хорошая новость за сегодняшний день», — пронеслось у него в голове.

Девочка тем временем не сводила с него больших светлых глаз, в которых испуг сменялся отчаянной решимостью.

— Тогда убирайся отсюда! Это мой дом! — Она шагнула к нему и замахнулась палкой. Решимость явно победила страх, и девочка отважилась на активные действия. Похоже, она была настроена защищать свое убежище всеми имеющимися у нее силами.

— Уходи! — Палка-лапа со свистом пронеслась возле его головы, перед глазами пролетели ржавые гвозди. — А то сейчас как дам!

«И ведь даст... — снова мелькнуло в голове у Стаса. — Для нее, беспризорницы, родившейся и выросшей на помойке, это в порядке вещей... А я сей-

час даже постоять за себя не в силах...» Ситуация показалась ему столь нелепой, что Стас, несмотря на всю ее безысходность, чуть не рассмеялся: подумать только, маленькая бомжиха, пигалица от горшка два вершка, собирается побить палкой с гвоздями его, здорового мужика! Его, миллионера, владельца одной из самых известных московских строительных компаний, нищая девчонка гонит его, как какого-то жалкого бродягу...

— Тихо, тихо! — Стас предостерегающе поднял здоровую руку. — Уймись. Не бойся меня. Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто еще немного побуду здесь...

— Нет! — Девочка снова взмахнула своим оружием. — Уходи! Нечего тебе тут делать!

Стас невольно вздохнул, и колыхание грудной клетки тотчас отозвалось усилением боли в левом плече.

— Ну, хорошо, хорошо... — примирительно сказал он. — Я уйду, если ты так настаиваешь... Сейчас уйду.

В этот раз вставать было еще тяжелее, чем в прошлый. Опираясь на здоровую руку, Стас кое-как приподнялся, но тут же с громким стоном опять свалился на грязный пол.

Внимательно наблюдая за ним, девочка опустила палку и сперва чуть отступила назад, а потом вдруг подошла ближе, заглянула ему за спину и принялась что-то там рассматривать.

— Это кровь! — испуганно воскликнула она. — Так много!.. Ты что — упал, разбился? Или подрался?

— Я ранен, — неохотно признался Стас.

— Ранен? — Девочка еще больше заволновалась.

— Да... Надеюсь, несильно. — Стас пытался говорить бодрым голосом, но это получалось у него весьма неважно.

— Так надо милицию вызвать! — тут же выдала девочка.